

ПРИНЦИП ТОЖДЕСТВА БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ОШИБОК В ФИЛОСОФИИ: СМЕШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПРИЧИННОСТИ И МИФЫ О ВОСПРИЯТИИ

А.Ю. Сторожук

Принцип тождества бытия и мышления часто использовался философами для отождествления мыслимой и объективной реальности, что привело к подмене изучения природы исследованием языка. Эта подмена сопровождалась также смешением понятий о логическом принципе достаточного основания и принципе материальной причинности. В области теории познания в поддержку этих принципов была установлена пассивная парадигма, трактовавшая опыт как простое отражение действительности. Цель статьи – указать на ошибки философии, следующие из принятия принципа тождества бытия и мышления. В области рационального мышления это смешение понятий причинности, а в области эмпирического познания – представление о пассивном отражении действительности и дискретности опыта. Указан возможный путь разработки понятий теории познания и онтологии, – это знания и вера в существование.

Ключевые слова: принцип тождества бытия и мышления, принцип достаточного основания, причинность, определение знания, активность восприятия, дискретный и непрерывный опыт, Я как онтологическая проблема

Самая трагическая ошибка философии: принцип тождества бытия и мышления

Данный принцип впервые был сформулирован Парменидом, согласно которому мыслить и быть – одно и то же [1]. Этот принцип неявно использовался многими философами и сослужил дурную службу: благодаря ему философия ушла от изучения природы, подменив исследование объективных закономерностей анализом мышления. Так, Платон связывал возможность истинного познания мира с идеями, отводя чувственному познанию очень незначительную роль. Аристотель разработал аппарат анализа языка с целью поиска сущности, причем сущность вещи или то, что она есть, постигалось только благодаря анализу понятий. Метод Аристотеля применялся в течение многих веков схоластами, а новую жизнь ему придал Гегель, сформулировав принцип тождества бытия и мышления с пози-

ции абсолютного идеализма: «мышление есть так же и бытие» [2]. Марксисты переняли этот принцип у Гегеля вместе с диалектическим методом и использовали в теории познания, полагая, что структура мышления и структура реальности изоморфны. От подобного отождествления не свободна и аналитическая традиция, которая неявно использовала данный принцип для построения совершенного логического языка путем устранения многозначности. Особенно ярко это видно у Витгенштейна в следующем его афоризме: «1.1. Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [3] где онтология подстраивается под возможность сопоставления с атомарным предложением «один факт – одно предложение», чтобы обеспечить искомый изоморфизм языка и мира, а также в афоризме «4.2.6. Указание всех истинных элементарных предложений полностью описывает мир» [4], где устанавливается возможность однозначного перехода от языка к тому, что есть в мире. Таким образом решается проблема получения знания о мире через язык. После этого обеспечена иллюзорная возможность получения знаний о мире путем анализа языка, в чем аналитическая традиция премного преуспела.

Приверженцев логического эмпиризма не должна вводить в заблуждение провозглашенная в манифесте Венского кружка установка на опытное исследование, девиз которой – «логика и опыт», поскольку последний сразу же подменялся своим лингвистическим суррогатом – протокольными или базисными предложениями, и использовался именно в таком виде. Опыт считался чистым беспроblemным источником знаний о мире, протокольные предложения предполагались истинными по определению, а истинностные значения других предложений можно было установить с помощью правил вывода. И в логическом эмпиризме основополагающая вера в возможность получения знаний о мире путем анализа языка, будучи основанной на неявном использовании принципа тождества бытия и мышления, осталась незыблемой.

Указания на ложность данного принципа философы получали неоднократно. Одним из доказательств его ложности служит теория атомного строения вещества: пустота атома противоречит осязаемой твердости. Другим примером является квантовая механика с ее дискретностью и мнимыми числами, что противоречит обыденным представлениям о непрерывности течения процессов и их выразимости вещественными величинами. Мир устроен иначе, чем мы привыкли его воспринимать, а наши органы чувств обеспечивают

нас лишь приближением, достаточным для существования в достаточно узкой области условий. Неоднократно проводимая философами апелляция к биологической целесообразности не может служить основанием принципа тождества бытия и мышления применительно к сфере опыта в виде утверждения о фотографической точности восприятия, поскольку касается лишь приближения в ограниченной сфере существования вида.

Сила принципа тождества бытия и мышления чрезвычайно велика и сегодня. Он «увел» философию от изучения природы в античности, и до сих пор философия не «вернулась» к природе. Она по-прежнему подменяет истинный процесс познания схоластическим блужданием в языке. Основная задача философа сегодня – определение понятий, а не получение знания. И большинство философских работ сегодня посвящено выяснению значений терминов – занятию, безрезультативность которого была доказана еще в XIX в. немецким философом О. Группе [5], показавшем, что значение термина зависит от контекста.

Бесплодность многих философских усилий – наименьшее зло, причиненное данным принципом. Гораздо больший вред он принес, исказив себе в угоду теории познания. Сам по себе принцип тождества бытия и мышления не многого бы стоил, он нуждался в поддержке, которую получил от двух основных источников познания – рации и эмпирии, логики и опыта. Обесценив основания познания, чтобы осуществить переход между рациональным и эмпирическим, принцип тождества бытия и мышления привел к искажению понятия причинности.

Рациональное рассуждение и принцип тождества бытия и мышления как источники путаницы.

Принцип достаточного основания и принцип причинности: смешение понятий

Рациональные аргументы черпают свою достоверность в законе непротиворечивости. И те аргументы, отрицание которых ведет к противоречию, полагаются истинными. В отличие от логических метафизические суждения подобной необходимостью не обладают, и для придания последним достоверности первых было осуществлено смешение понятий логической необходимости и причинности.

Первая выступает в виде принципа достаточного основания, последняя представляет собой материальную причинность, действующую в физическом мире.

В качестве примера можно привести афоризмы Лейбница: «31. Наши рассуждения основываются на двух великих принципах: принципе противоречия, в силу которого мы считаем ложным то, что скрывает в себе противоречие, и истинным то, что противоположно или противоречит ложному. 32. И на принципе достаточного основания, в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным (курсив мой – А.С.), ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе» [6].

Как показывает приведенный выше отрывок, логическая необходимость здесь отождествляется с действительным существованием. Смешение понятий логической и физической причинности является необходимым следствием принципа тождества бытия и мышления, которое обеспечивает его приложение как к онтологии, так и к теории познания.

В онтологии данный принцип используется всеми без исключения видами идеализма и некоторыми видами реализма. Идеализм, постулируя реальность идеального, нуждается в этом принципе, поскольку любая апелляция к сознанию как к чему-то сущностно отличному от материальной деятельности мозга, предполагает подмену понятия причинности. В самом деле, поскольку нематериальное (психическое) состояние нельзя объяснить никакими материальными эффектами, например воздействием или движением, то апелляция к психическому представляет собой либо способ уйти от объяснения, либо смешение двух понятий причинности. В последнем случае понятие физической (природной) причинности подменяют на логическую необходимость.

Из реалистов этой ошибки избежал только И.Кант. Поскольку долгие годы противостояния идеализма и материализма сформировали традицию относить Канта к идеализму, кратко поясню основания отнесения Канта к реалистам. Позиции объективного идеализма и реализма достаточно близки, разница состоит в том, что реалист допускает существование независимого от познающего субъекта мира, который у Канта выступал в виде *Ding an sich* – вещи в себе. Кант избегал смешения двух понятий причинности, отказываясь от познания реального мира и довольствуясь только областью феноме-

нов – способов, которыми вещи нам являются – сферой действия закона достаточного основания.

Подмена понятий причинности по существу представляет собой уход от объяснения, причем это справедливо не только для философии, но и для естественных наук. Например, И. Павлову приходилось защищать свой объективный подход к изучению психики: почему мы объясняем факты только с внешней точки зрения и не пробуем смотреть на них чисто психологически, вводя термины желания, воли, стремления? Каждый раз, когда появлялся новый трудный ряд фактов, сомнения в возможностях объективного подхода усиливались. Сможем ли мы понять, в чем дело? «Потому что в этих новых фактах мы не находили еще причинной связи, мы не могли объяснить сейчас, какая связь между явлениями, что чем обуславливается. Затем, когда мы эту связь уяснили, когда мы видели, что от этой причины следует то-то, тогда мы в те же минуты чувствовали удовлетворение, успокоение. Почему же мы до этого обращались трусливо к прежнему субъективному методу? Секрет простой: потому что это – метод беспричинного мышления, потому что психологическое рассуждение – есть адетерминистическое рассуждение, т. е. я признаю явление, происходящее ни отсюда, ни отсюда. Я говорю: собака подумала, собака желает – и удовлетворяюсь. И это есть фикция. А причины для явления так и нет» [7].

В теории познания принцип тождества бытия и мышления проявляется как предположение об изоморфности бытия и мышления, т.е. соответствие языка структуре мира. Идея о том, что структура знания совпадает со структурой мира, часто высказывалась марксистами.

Данный принцип наложил отпечаток и на философию науки, основой которой принято считать позитивизм. С точки зрения позитивистов, научная теория представляет собой систему предложений, т.е. представляет собой образование чисто лингвистического характера. Сведение всей научной работы только к языку основывается на неявно принимаемом принципе тождества бытия и мышления, позволяющем ограничивать любое исследование лингвистическими рамками, мышление происходит при помощи слов и словами ограничивается. «4.25. Если элементарное предложение истинно, то атомарный факт существует; если элементарное предложение ложно, то атомарный факт не существует» [8].

Редукция научной деятельности к языку не позволяет дать адекватное описание реального процесса получения знания по ряду причин. Прежде всего, изучение хода развития науки исключительно по пись-

менным источникам замаскировывает подлинный путь научного поиска. Фактически философы пытаются восстановить процесс открытия по процессу обоснования. Как действует философ науки, решая задачу описания научной практики? Он трудолюбиво просматривает научные публикации и выделяет в них то общее, что может быть сведено в некоторый свод правил. Действительно, задача философии – поиск общих закономерностей, но что попадет в расставленную сеть в данном случае? Правила оформления статей. Любой автор, желающий опубликовать текст, должен ориентироваться на принятые стандарты оформления работ, и философы, интуитивно следующие принципу тождества языка и мышления, наивно ловятся на удочку. Теряя содержание научного поиска, которое может стать бесценным материалом для понимания человеческого познания, философ-книжник привносит то, что исканиям нового совсем не свойственно, а именно – нормативные правила оформления работ.

Предположение об изоморфности мыслительного процесса и содержания текста дает пищу нормативному аспекту философии. Изучая научные отчеты о полученных результатах, оформленные таким образом, чтобы представить свои идеи в наиболее обоснованном и понятном виде, философы возводят обнаруженные закономерности в свод нерушимых правил, которым должно подчинить свой разум для нахождения нового знания. То, что разработанные нормы и методы познания не имеют никакого отношения к реальному процессу мышления, который принимает самые различные формы и «протаптывает» себе дорогу столь различными путями, что унификация их едва ли возможна – полбеды. Гораздо печальнее то, что если следовать принятым в данном сообществе правилам оформления результатов, то воссоздаваемая картина научной работы так сильно обрастает условностями, что почти полностью теряет объективность, давая хорошую опору социальным конструктивистам. В самом деле, если распространить требования оформления статей, посылаемых в научные журналы, на процесс мышления вообще, то полученная аппроксимация будет достойным примером, подтверждающим социальный релятивизм. Других плодов трудно было бы ждать от языка, который сам является порождением общества и так же переменчив, как мода. Подобное порождает подобное.

Следует заметить, что классическое определение знания как обоснованной истинной веры было сформулировано в предположении принципа тождества бытия и мышления, то есть с необходимостью предполагает смешение понятий причинности. В данном слу-

чае смешение понятий необходимо для осуществления перехода от субъективного состояния (веры) к положению дел в мире, апелляция к которому предполагается в процедуре обоснования. С таким определением знания философия вынуждена подменять природную причинность логической необходимостью, чтобы перейти от понятия субъективного состояния к познанию внешнего мира. Для обеспечения самой возможности такого перехода требовалось предположение об изоморфности языка и мира, услужливо предоставленной принципом тождества бытия и мышления.

Как следствие, отказ от упомянутого принципа, как и желание избежать смешения понятий причинности, требует принятия иного определения знания.

Под знанием я буду понимать адекватно подтвержденное ожидание. Это определение полностью изоморфно классическому определению знания как абсолютной истинной веры, а причина смены определения кроется в желании уйти от особого психического состояния – веры к ожиданию, которое имеет строгое физиологическое материальное основание в виде структур нервной системы, обеспечивающих готовность организма воспринимать сигналы строго определенного типа. Наличие этого состояния и механизм его функционирования подробно был описан П.И. Анохиным и известен как «акцептор действия» [9]. Желание уйти от апелляции к субъективному состоянию в определении знания потребовало переписывание определения, поскольку ожидание имеет некоторый материально воплощенный и обнаруживаемый аналог – состояние нервной системы.

Данное определение знания, как и классическое определение, позволяет утверждать о наличии знания только *post factum*, поскольку и в том и другом случае это связано с вероятностью, и вера и ожидание – вероятностные процессы. Но обоснованная истинная вера статична и неизменна по своей природе, как субъективное состояние оно должно быть фиксировано в языке, поскольку иным путем никто не сможет получить доступ к внутреннему состоянию субъекта, которое иначе останется в безмолвии индивидуального опыта.

Мое определение знания как адекватно подкрепленного ожидания более широкое. Оно включает в себя не только знание, выраженное в языке, но также и сенсомоторное знание, подобное знанию запахов, цветов, звуков, двигательные навыки. Оно позволяет охватить как двигательные, так и сенсорные проявления, поскольку без движения нет восприятия, а без восприятия – движения.

Поскольку ожидание всегда недоопределено, а поступающая информация корректирует и уточняет ожидания, мое определение знания остается открытым изменениям, в то время как логическое познание предполагает остановку путем фиксации в языке. Поэтому знание как ожидание может естественным образом объяснить прогресс в науке, поскольку нарушение ожиданий является толчком к размышлениям и поиску нового знания. Кроме того, это определение указывает направление развития познания и тем самым объясняет прогресс науки. Наука развивается по пути достижения все большего соответствия между теорией и данными опыта, причем уточнению подлежат как теоретические представления, так и техника выполнения экспериментов, т.е. развитие науки представляет процесс обоюдного уточнения и гипотез и экспериментов.

Опыт и принцип тождества бытия и мышления как источник мифов

Чтобы обеспечить тождество, представления об опыте должны были соответствовать некоторым свойствам нашего мышления. Прежде всего принцип тождества предполагает восприятие мира таким, как он мыслится, т.е. предполагается пассивность восприятия. Второе свойство мышления – дискретность: мы мыслим по преимуществу словами, объединенными в отдельные фразы. Соответственно и опыту было приписано свойство дискретности. Оба мифа были давно опровергнуты науками о высшей нервной деятельности: психологией и физиологией, показавшими, что раздражающий сигнал оказывает тройное действие, возбуждая сенсорную, моторную и вегетативную системы. Тем не менее большинство философов этим мифам следует, и не только в силу привычки. Данные мифы о пассивности и дискретности опыта обеспечивали простое и эффективное решение некоторых проблем теории познания.

а) Философские мифы об опыте: пассивность.

Принцип тождества бытия и мышления предполагает пассивность восприятия, наиболее последовательным воплощением которой является теория отражения. Для обеспечения тождества бытия и мышления предполагается, что наша чувственная способность отражает мир, хотя и в пределах, ограниченных физиологическими

способностями улавливать только определенные сигналы внешнего мира. Устоявшаяся пассивно-отражательная парадигма достаточно надежна и удобна с философской точки зрения, поскольку автоматически решает ряд проблем теории познания. Хорошей иллюстрацией этому является ленинское определение материи: «материя – это философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [10]. В этом определении постулируются сразу три вещи:

- 1) существование внешнего мира (объективной реальности);
- 2) познаваемость мира (реальность дана в ощущениях);
- 3) то, что мир познается адекватно (копируется, фотографируется, отражается).

Таким образом, положительное решение основных вопросов онтологии и эпистемологии достигается простым постулированием. На первый взгляд она кажется также и чрезвычайно надежной, особенно будучи поддержана постулатом о существовании абсолютной истины. Пассивная парадигма, несомненно, достаточно удобна, однако за удобства надо платить. Источник надежности этой парадигмы – предположение об изоморфизме объективной реальности и ее отражение в сознании – привел в конечном счете к релятивизму. Этот переход совершался под влиянием критики, причем все основные критические аргументы, выдвинутые в адрес опыта, являлись прямыми следствиями активности восприятия, что было мною показано ранее [11]. Ожесточенная критика пассивной концепции, которой придерживались помимо марксистов также и позитивисты, привела к тому, что рационалистическая традиция осталась практически без теории познания. Основные методы получения рационального знания были дискредитированы, и философия плавно сползла в эпоху постмодерна, обсуждая реализм научных понятий в рамках конструктивизма, что является простой путаницей понятий: смешением предметного уровня научной теории и ее метауровня.

Поскольку я подробно писала об активности восприятия ранее, здесь я ограничусь кратким комментированием проблемы причинности. Физические сигналы внешнего мира по пути к основному сенсорному анализатору – коре больших полушарий, проходят через подкорковые центры, отвечающие за двигательную активность.

Необходимость двигательных импульсов была экспериментально зафиксирована даже для слуха – аппарата, запрятанного в толщу кости и потому лишенному собственных движений [12].

Движение обеспечивает дополнительную возможность познания мира, а именно знание причинности, поскольку наше тело вынуждено действовать как предмет среди предметов. На тело действует три типа сил: внешние силы (например, реакция опоры, сила тяжести), инертные силы и мускульные силы [13]. Собственно нам подвластны только последние, знания о величине и направлении которых мы получаем благодаря мышечно-суставному чувству – проприоцепции. Приводя свое тело в состояние равновесия посредством мускульных усилий, мы можем судить о тех силах, которые воздействуют на нас извне. Это знание получается благодаря проприоцептивной чувствительности, которая дает представления о характеристиках собственного движения: силе, амплитуде, пространственных характеристиках, что дает представления об окружающем пространстве, о течении времени и о характеристиках окружающих нас вещей. Именно действия, осуществляемые в материальной среде, обеспечивают нас подлинными знаниями причинности, а через нее – знанием объективных характеристик других материальных тел. Например, установлено, что наблюдения за движениями другого человека позволяют с большой точностью определить массу, форму и размер поднимаемого предмета [14].

б) Философские мифы об опыте: атомарность опыта.

Подобно тому, как вплоть до первой половины XX в. язык рассматривался состоящим из отдельных предложений, позитивизм рассматривал опыт как единичный акт, который мог быть выражен в виде протокольного или базисного предложения. Но подобно тому, как логический атомизм уступил позже место холизму в виде тезиса Дюгема – Куайна, так и для опыта идея независимости единичных восприятий является сильным упрощением: «чтобы помирить читателя окончательно с мыслью о том, какое неисчерпаемое богатство психического развития скрывается и в разобранных нами доселе средствах к нему, несмотря на их кажущуюся бедность, я обращаю его внимание на пределы ассоциации: каждая из них начинается ежедневно в момент просыпания человека и кончается началом сна. В этот день, считая его в 12 часов и положив средним числом на каждую новую фазу зрительного ощущения по 5 секунд, через глаз войдет больше 8000 ощущений, через ухо никак не меньше, а через движение мышц

несравненно больше. И вся эта масса психических актов связывается между собой каждый день новым образом, сходство с предыдущим повторяется лишь в частностях!» [15].

Чтобы пояснить, какое значение имеет число ощущений для эпистемологической ценности опыта, обратимся к данным психологии, где экспериментально исследовался вопрос о взаимном влиянии различных органов чувств друг на друга. Краткому и не претендующему на полноту обзору этой обширной теме посвящен следующий пункт.

Взаимодействие органов чувств

В данном пункте мы рассмотрим вопрос о роли предшествующих осознанному восприятию ощущений. В самом деле, какое отношение к познанию может иметь подавляющее число ощущений, если мы сознательно воспринимаем только малую часть, являющуюся объектом нашего внимания и потому приближенно могущую рассматриваться дискретно или изолировано?

Вопрос, как состояния одних органов чувств могут зависеть от раздражений, падающих на другие чувствующие системы, подробно исследовался психологами и может быть проиллюстрирован богатым эмпирическим материалом. Эта идея предполагала целостность организма и была выдвинута с точки зрения системного подхода, но она по-прежнему является чуждой философии с ее традицией рассматривать опыт изолированно. Так, в 1885 г. Истманов изучал влияние восприятия на периферическую нервную систему. Он нашел, что «слабые осязательные ощущения, холод, неприятно пахнущие вещества, вкус горького и кислого сказывались явно оттоком крови от конечностей и одновременно увеличением кровенаполнения сосудов мозга. Напротив, ощущение сладкого вкуса, приятно пахнущие вещества, тепло, а также и легкие болевые ощущения вызывали обычно увеличение объема конечностей наряду с сужением мозговых сосудов» [16].

В 1902 г. Сеченов установил, что восстановление работоспособности правой руки после значительной мышечной нагрузки более эффективно происходило не в процессе отдыха, а когда во время перерыва работала левая рука. Сигналы, поступающие в мозг от мышц левой руки, оказывали затормаживающее влияние на соседнее полушарие и обеспечивали более полноценный отдых. Сеченов полагал, что «здесь мы имеем перед собой пример исчезновения чувства усталости вследствие... увеличения запасов энергии в центральной нервной системе

ощущениями, протекающими к ней по чувствующим нервам от других рабочих органов. Вспомним для большего убеждения в вероятности только что сказанного, – говорит Сеченов далее, – о действии музыки на уставших от маршировки солдат или о бодрящем и оживляющем действии пения при работе» [17].

Исследуя связь слуха и зрения, В. Урбанчич нашел, что « возбуждение одного органа оказывает влияние и на другие ощущения. Это влияние зависит от того, какой орган чувств возбуждается; нередко оно оказывается различным и в зависимости от интенсивности первично вызванного ощущения. С другой стороны, здесь проявляются и индивидуальные различия, а иногда повторные опыты на одном и том же лице дают различные результаты. Я хотел бы также особенно отметить, что вяло реагирующие лица иногда некоторое время должны тренироваться в опытах, чтобы на них можно было получать более выраженные реакции; равным образом, следует отметить, что величина реакции в различное время может быть весьма разной у одного и того же индивидуума» [18].

В 1904 г П.П. Лазарев демонстрировал зависимость громкости звука от освещенности. Он то освещал, то затемнял экран, находящийся перед аудиторией, и присутствующие ясно слышали, что во время затемнения экрана звук камертона делался более тихим, чем на свету. Семеновская, Роуленд и Слон (1944) Гехт и Хсиа (1945) показали, что освещение глаза красным светом повышает чувствительность сумеречного зрения, а сильный шум – снижает [19]. Кравков наблюдал, что «во время сильного шума, производимого авиационным мотором, световая чувствительность сумеречного зрения падала до 20% своего уровня, имевшегося в условиях тишины, до начала слухового раздражения» [20]. Семеновская далее показала, что после прекращения звука световая чувствительность периферического зрения повышается сверх нормы. Такой же эффект оказывает легкая мышечная работа.

Общая стимуляция центральной нервной системы, например, напряженная умственная работа, повышает чувствительность не только к зрительным раздражителям, но также и к слуховым, обонятельным и вкусовым [21]. Отдельные восприятия также изменяют чувствительность всех органов чувств, что указывает на функционирование организма как единой целостной системы. Побочный сенсорный раздражитель давал начало изменению чувствительности, длящемуся более получаса, достигая максимума на 20 минуте, далее процесс шел на убыль [22].

Примеры можно множить до бесконечности, но, подытоживая, можно указать на наличие постоянного влияния на наши чувствующие способности со стороны других органов чувств, предшествующих восприятий: «наши ощущения могут, например, заметным образом меняться в зависимости от действия на субъекта побочных раздражителей, настолько слабых самих по себе, что сами они каких-либо ощущений не вызывают» [23]. В частности, экспериментально установлено влияние неслышимых звуков и невидимых световых раздражителей. «Например, мы видели, что слуховые раздражители повышают чувствительность темноадаптированного глаза по отношению к лучам оранжево-красным; освещение глаз делает слышимые нами звуки более громкими; осязательное раздражение руки слабым электрическим током понижает слуховую чувствительность; слуховые пороги могут изменяться под влиянием ощущений обонятельных; осязательная чувствительность выигрывает от освещения глаз» [24]. В качестве объяснения механизма взаимовлияния органов чувств различной модальности Кравков предложил влияние раздражителей на вегетативную нервную систему, ответственную за общий тонус организма. Изменения тонуса сопровождаются изменением способности воспринимать: степенью концентрации внимания, шириной поля зрения, уровнем чувствительности нервных клеток и т.д.

Подводя итоги данного пункта, следует подчеркнуть необходимость учитывать цельность опыта, поскольку ощущения (даже неосознаваемые) играют важную роль в преднастройке наблюдателя к готовности воспринимать. Практическое значение такой преднастройки огромно, она обеспечивает саму возможность наблюдения и восприятия. «В подобных случаях обычно происходит перестройка приспособительных реакций, могущая создать неблагоприятные условия для тех из раздражителей, которые не находятся в данный момент в фокусе внимания» [25].

Следовательно, философ должен рассматривать не изолированное наблюдение, а опыт, причем в более широком контексте, который включает преднастройку органов чувств, их готовность воспринимать, условия восприятия. По аналогии с утверждением о системности или целостности теории я сформулирую утверждение, которое буду называть далее принцип эмпирического холизма: любое восприятие осуществляется благодаря фиксации внимания на комплексе совместно действующих раздражителей, представляющих малую долю

из множества ощущений, оказывающих неосознаваемое влияние на способности органов чувств к восприятию.

Соответственно опыт должен рассматриваться не только как источник протокольных предложений, но и с точки зрения создания специальных условий для проведения научного наблюдения и экспериментов. В научной практике такие условия создаются посредством изоляции системы и устранением мешающих факторов, ибо невозможно не только провести с достаточной точностью эксперимент в несоответствующих условиях, но и обеспечить адекватное фиксирование результатов. Таким образом, подготовка системы обеспечивает и преднастройку сенсорной чувствительности. В этом контексте можно обсуждать наличие оптимальных условий и рекомендации по их созданию.

Далее я рассмотрю возможные онтологические следствия непрерывности потока ощущений и покажу, как может быть использован принцип эмпирического холизма.

Онтологические следствия непрерывности ощущений: Я

Существование не является предикатом
Аристотель

Вопрос собственного существования, как и любые другие онтологические вопросы не разрешимы логически. Декартовское доказательство *cogito ergo sum* не выдерживает критики: оно не является ни необходимым, ни достаточным. Оно не необходимо, т.к., мыслящий человек может быть чьим либо представлением, следовательно, его мышление в данном случае не доказывает его существования. Оно не достаточно, т.к. человек может не признавать мысли *своими* и не считать мышление признаком существования. Такие случаи описаны в клинической практике [26], когда больной утверждает, что мысли ему не принадлежат, так как их думает кто-то другой. Существование есть вопрос веры, и нам остается только задаться вопросом о ее источниках.

Традиционный аргумент солипсизма сформулирован Патнемом [27] и известен под названием «мозг в чане». Согласно нему мы не можем отличить ситуацию природного существования в реальном мире от ситуации изолированного мозга, на который соответственным образом подаются нервные импульсы.

Если считать человеческое существо единством сознания и тела и если сознательно мы не способны прийти к обоснованию существования, то остается принять за источник веры тело. В качестве гипотезы я выдвигаю предположение, что источником веры в свое существование является перманентный поток ощущений, доставляющий в мозг информацию о состоянии собственного тела. «Восприятие человеком собственного тела складывается из сочетания пространственно-тактильной чувствительности, мышечно-суставных и органических ощущений. Это комплексное восприятие человеком собственного тела носит название “схемы тела”. Психические заболевания, в основе которых лежит то или иное расстройство деятельности первой и второй сигнальных систем, нередко характеризуются, при относительной сохранности абсолютной тактильной чувствительности, распадом пространственно-осязательного различения» [28]. В приведенной цитате Ананьев не случайно апеллирует к нарушениям нервной деятельности. Поскольку психика взрослого человека устроена чрезвычайно сложно, то психологи имеют только три пути к изучению психических явлений: изучение номогенеза, онтогенеза и сравнение нормальной психики с патологическими отклонениями.

В качестве проверки заявленной гипотезы рассмотрим примеры случаев утраты мышечно-суставного чувства и убедимся, действительно ли они сопровождаются потерей веры в собственное существование. Поскольку особая роль в образовании схемы тела принадлежит мышечно-суставному чувству (проприоцепции), рассмотрим с точки зрения восприятия собственного бытия случай частичной утраты проприоцепции. Невролог и писатель О. Сакс описывает этот случай в рассказе «Человек, который выпал из кровати». Человек, переставший чувствовать свою ногу, отказался признавать ее своей. Он считал, что над ним пошутили: подложили в кровать отрезанную ногу мертвеца, которая теперь к нему прилипла, и он никак не может от нее избавиться. Сакс был тогда студентом-медиком и пытался убедить больного в том, что это – его собственная нога, но пациент отвечал: «человек должен узнавать свое тело, что его и что нет, но эта нога, эта мерзость, – тут он опять вздрогнул от отвращения, – неправильная она, чужая, ненастоящая» [29]. Опытные врачи отмечают, что больного с бредом рационально переубедить невозможно, и если проприоцепция не задействована, то остальные органы чувств вкупе с рациональной способностью не в состоянии дать достоверную уверенность в существовании. Описанный Саксом случай не

единственный. Когда невролога М.Кремера попросили исследовать, почему больной с параличом левой половины тела каждую ночь выпадает из кровати, больной ответил, что он «каждый раз, просыпаясь ночью, обнаруживает у себя в постели мертвую, холодную, волосатую ногу. Объяснить, откуда она берется, он не может, но и потерпеть ее рядом с собой тоже не может, и поэтому руками и здоровой ногой выталкивает ее наружу, сам тут же выпадая за ней» [31]. Обратным примером может служить наличие фантомных болей в ампутированной конечности: в данном случае пациент обладает верой в наличие несуществующей у него части тела.

Более трагичны случаи полной утраты проприоцепции, когда человек воспринимает собственное тело «как омертвевший, нереальный, чужеродный придаток... [этот] мир точнее было бы назвать его “антимиром” или “немиром” – областью небытия» [32]. Вместе с проприоцепцией человек утрачивает «каркас индивидуальности», восприятие себя как существующего. Нарушение структуры личности, сопровождающее утрату мышечно-суставного чувства, выражается в неверии в свое существование, восприятие себя как нечто призрачное, как фантом.

Вот описание состояния одного из пациентов с аналогичным заболеванием, данное Митчеллом: «К ужасу своему я обнаружил, что временами гораздо слабее прежнего осознавал себя и свое существование... Мне беспрестанно хотелось осведомиться у окружающих, по прежнему ли я Джордж Дедлоу или нет, но, предвидя, сколь нелепыми показались бы им такие расспросы, я удерживался от них, еще решительнее вознамериваясь отдать себе точный отчет в своих ощущениях. Временами убеждение в том, что я не вполне я, достигало во мне силы болезненной и угрожающей. Думается, лучше всего описать это как изъян ощущения личной особенности и самосознания» [33]. Таким образом, вместе с ощущением собственного тела человек утрачивает веру в свое собственное бытие.

Известны случаи и временной утраты чувства личности в условиях, когда сигналы, поступающие от собственного тела, оказываются непривычно измененными. Рассмотрим изменения в ощущениях восприятия собственного «Я» в условиях невесомости. Поскольку биологическая эволюция происходила в условиях действия земного поля тяготения, невесомость изменяет работу внутренних анализаторов, таких как вестибулярный аппарат, мышечное чувства, чувство опоры.

«Реакция на невесомость зависит от уравновешенности нервной системы и вызвана нарушением сочетанной деятельности всех анализа-

торов в условиях невесомости, что вызывает у отдельных людей правильного восприятия внешнего мира и «схемы тела». Под последней понимается отражение в нашем сознании основных свойств и способов функционирования как отдельных частей и органов нашего тела, так и всего тела. Нарушения здесь протекают по-разному. Например, один летчик, пилотировавший самолет, через 8–10 секунд после наступления невесомости почувствовал, будто его голова начала распухать. На тринадцатой секунде появилось впечатление медленного кручения тела в неопределенном направлении. Еще через 15 секунд летчик стал терять пространственную ориентировку и потому вывел самолет из параболического режима» [34.]. У некоторых людей наступает полная дезориентация и утрата самоидентификации.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что неразрешимая логически проблема собственного существования получает естественное объяснение в предположении непрерывности ощущений. Вера в собственное существование основана на постоянно поступающих в мозг сигналов от мышц и внутренних органов, связанных с восприятием и действием по закону материальной причинности.

Заметим также, что обширная и сложная проблема существования внешнего мира в предположении непрерывности восприятия получает аналогичное решение. В этом случае объективность и целостность предметов внешнего мира обеспечивается их представленностью целого комплекса разномодальных ощущений, действующих непрерывно. Вера в существование мира и его качества основана на сложном синтезе ощущений, прошлого опыта и знаниях причинности. Принятие во внимание такого свойства восприятия как его непрерывность позволяет сформулировать новые вопросы вместо бессмысленных споров об обратной стороне Луны, ведущимися приверженцами дискретного понимания опыта.

Заключение

Принцип тождества бытия и мышления исторически выражал стремление к объективности, которое достигалось путем постулирования совпадения некоторых качеств мыслительного процесса и объективной реальности. Но, следующая из него подмена объективных закономерностей правилами логического и лингвистического манипулирования, закономерно привела к релятивизму. Поскольку язык представляет собой условную конструкцию и не может

обеспечить чем-то более надежным, чем он сам, процесс вполне закономерно привел к эпохе постмодерна.

Чтобы вскрыть механизм этого процесса, я рассмотрела те искажения, которые наложил принцип тождества бытия и мышления на основания познания – рацию и опыт. В первом случае потребовалось смешение понятий причинности и логической необходимости, во втором – понимание опыта как простого отражения действительности. В результате использования неадекватных представлений, рациональная традиция в философии осталась фактически без теории познания и почти полностью сошла со сцены в настоящее время.

В статье указаны некоторые альтернативные подходы к онтологическим и эпистемологическим проблемам, в частности более широкое определение знания, из которого естественно следует объяснение научного прогресса, объяснение которого является главным аргументом в пользу научного реализма (No-Miracle аргумент Патнема) [35].

Выявлены искажения в понимании опыта, принятые философами с целью привести свои концепции в соответствие с принципом тождества бытия и мышления: представления об опыте как пассивном и дискретном отражении действительности. Хотя идеям об активности восприятия и связи действия, восприятия и мышления более сотни лет (например, идеомоторный принцип Джеймса) [36], в философии эти идеи до сих пор не имеют широкого распространения. С моей точки зрения, причина неприятия идеи активности в философии состоит в удобствах предоставляемых принципом тождества бытия и мышления, заключающихся в автоматическом решении ряда непростых проблем онтологии и теории познания.

Отказ от ошибочных представлений о природе восприятия позволит дать естественные ответы на таких онтологических вопросов как знание причинности, указание источников веры в существование, а также наметить путь для познания объективных характеристик мира.

Примечания

1. *Парменид* // Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмологий до возникновения атомистов / Подготовлено А.В. Лебедевым. – М.: Наука, 1989. – С. 287.

2. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, 1993. – Кн. 1. – С. 153.

3. *Виттгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Наука, 1958. – С. 5.
4. Там же.
5. *Соболева М.Е.* Философия как «критика языка» в Германии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
6. *Лейбниц Г.В.* Монадология // Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 418.
7. *Павлов И.П.* Ответ физиолога психологам // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3, кн. 1. – С. 171.
8. *Виттгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М.: Наука, 1958.
9. П.К. Анохин писал: «акцептор результатов действия сложных поведенческих актов формируется и воспроизводится в центральной нервной системе за счет распространения возбуждения от аксонов исполнительных (пирамидных) клеток через их коллатерали к особым группам вставочных клеток. Благодаря такому механизму акцептор действия получает «копии команды», заключающие в себе свойства необходимого подкрепления» [*Анохин П.К.* Теория функциональных систем // Системная организация физиологических функций. – М.: Медицина, 1969. – С. 9].
10. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 131.
11. *Storozhuk, A.* Perception: Mirror-Image or Action // J. Gen. Philos.Sci (2007). – V. 38. – P. 69–382.
12. *Леонтьев А.Н.* О путях исследования восприятия (вступительная статья) // Восприятие и деятельность. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 15.
13. *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004.
14. *Maeght, S, Prinz, W.* Action induction through action observation // Psychological Research (2004) 68: 97–114.
15. *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга // Избранные произведения. Физиология и психология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – С. 79.
16. Цит. по: *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 9.
17. Там же.
18. Там же. – С. 12–13.
19. *Семеновская Е.Н.* Влияние электротона на электрическую чувствительность глаза // Проблемы физиологической оптики. – 1948. – Т. 6. – С. 305–307.
20. *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. – С. 17.
21. *Добрякова О.А.* О некоторых возможностях условно-рефлекторного изменения чувствительности зрения // Проблемы физиологической оптики. – 1948. – Т. 6. – С. 308–313.
22. *Шварц Л.А.* Изменение цветоощущения в эмоциональных состояниях зрения // Проблемы физиологической оптики. – 1948. – Т. 6. – С. 14–318.
23. *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. – С. 110.
24. Там же. – С. 110.
25. Там же. – С. 88.
26. *Журавлев И.В.* Как доказать, что мы не в матрице? Сознание, коммуникация и психические расстройства. – М.: КомКнига, 2006. – С. 53–64.
27. *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – С. 19–22.
28. *Ананьев Б.Г.* Пространственное различение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – С. 95.

29. Сакс О. Человек который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. – СПб.: Science Press, 2006. – С. 88.
31. Там же. – С. 89.
32. Там же. – С. 83.
33. Там же.
33. *Mitchell SW*. Injuries of nerves and their consequences. – New. York: Dover Publications, American Academy of Neurology, 1965.
34. *Леонов А.А., Лебедев В. И.* Об отражении человеком пространства вне Земли // Вопросы философии. – 1966. – № 1. – С. 6.
35. *Putnam H*. Mathematics, Matter and Method. Philosophical Papers, vol. 1., Cambridge, Mass., Cambridge University Press, 1975, P. 67.
36. См. обзор литературы в: *Kiesel A, Hoffmann J*. Variable action effects: response control by context-specific effect anticipations // *Psychological Research* (2004) 68: 155–162.

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск

***Storozhuk, A.Yu.* The principle of being and thinking identity as a source of philosophical errors: confusion of causality concepts and myths of perception**

Philosophers often used the principle of being and thinking identity to identify mental reality and physical one. It resulted in substitution of nature study by language analysis. This substitution was attended by confusion of the idea the logic principle of sufficient reason and that of the material causality principle. In epistemology, to support these principles the passive paradigm was accepted which treated experience as a mere reflection of reality. The paper seeks to indicate errors in philosophy resulting from acceptance of the principle of being and thinking identity. In the area of rational thought, such an error consists in confusion of causality concepts; in the area of empirical knowledge, it consists in the idea of passive reflection of reality and discontinuous experience. The paper shows a possible way to develop concepts in epistemology and ontology: knowledge and belief in existence.

Keywords: the principle of being and thinking identity, the principle of sufficient reason, causality, knowledge definition, activity of perception, continuous and discontinuous experience, Ego as an ontological problem